

ВСТРЕЧА

Евгений Водолазкин: «Германия научила и говорить, и молчать»

Русский писатель Евгений Водолазкин (р. 1964) также известен как исследователь древнерусской литературы: будучи сотрудником Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук, в 1990-е и 2000-е он подолгал жил и работал в Германии, где, в частности, была опубликована его монография «Всемирная история в литературе Древней Руси» (Мюнхен, 2000). Писатель поделился немецким опытом жизни с обозревателем «Д» **Андреем Архангельским**.

Андрей Архангельский

— В первый раз вы поехали в Германию в 1992 году. Это был первый опыт знакомства с заграничьем?

— До этого я бывал уже в Польше. Польшу я очень люблю, но все-таки она в те годы была устроена примерно так же, как и СССР. А Германия была совершенно другой. Это была настоящая заграничка. Я поехал в Мюнхен по приглашению Фонда Тепфера — причем моей личной заслуги в этом не было никакой, это был подарок Дмитрия Сергеевича Лихачева. Он получил премию Тепфера, которая среди прочего предполагала приглашение одного из его учеников на год в Германию.

...Совсем другие люди, другие краски, другая еда. Даже запахи другие, потому что в супермаркетах и общественных учреждениях пользовались ароматизированными моющими средствами, о которых мы тогда даже не подозревали. Мы поехали втроем — с женой и дочерью, которой было тогда полтора года. Мы в Ленинграде в то время почти ничего, кроме макарон, не ели. И моя дочь в Германии какое-то время от всего другого отказывалась, потому что она привыкла, что «еда — это макароны».

...Тогда ведь, по выражению Паустовского, «было время больших ожиданий», в том числе ожиданий от Запада, от самих себя. И то, как разумно и красиво там все устроено (кстати, «красиво» — немаловажное определение для Запада вообще), — это, конечно, производило сильнейшее впечатление.

— У вас в Германии в 2000-м вышла книга «Всемирная история в литературе Древней Руси». Она стала итогом вашей работы в качестве стипендиата Фонда Александра фон Гумбольдта в 1998–2002 годах. Что это была за исследовательская работа, почему именно в библиотеках Германии?

— Гумбольдтовская стипендия прекрасна — как в денежном отношении, так и в смысле постоянной заботы фонда о стипендиате. После первой поездки я подумал, что целесообразно продолжить исследовательскую работу в Германии, и в конце 1990-х опять подал заявку на грант. В 2000-м эту же стипендию получила моя жена, также исследователь древнерусской литературы. В итоге мы в общей сложности пять лет прожили в Мюнхене. Это может показаться несколько неожиданным — изучать Древнюю Русь в Германии. ... Конечно, лучшее место на земле для исследования Древней Руси — это Петербург, школа Дмитрия Сергеевича Лихачева. Он был, как известно, заведующим отделом древнерусской литературы Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом). 15 лет я и моя жена работали под его началом, и это было великим счастьем. Представьте, мы два раза в неделю с ним беседовали, пили чай, обсуждали какие-то проблемы. Но для нас не менее важным было разомкнуть этот прекрасный мир, в котором мы находились, чтобы увидеть собственную культуру со стороны. Есть знаменитое выражение французского историка Фернана Броделя (1902–1985), который однажды отправил своего ученика в Англию, сказав при этом: «Я не знаю, сможете ли вы понять Англию, но Францию вы поймете точно». Для того чтобы понять свое, нужно иметь представление о чужом. И вот это «чужое» — которое на самом деле совсем не чужое (я изучал в Германии медиэвистику, западное Средневековье) — очень напоминало «свое», несмотря на все различия. И это отстранение помогло мне окончательно сформировать взгляд именно на древнерусское историческое повествование, которым я занимался. Кроме того, я читал исследования по Древней Руси западных авторов, которые в тот момент были почти недоступны в Петербурге. И это, наверное, самое важное, что произошло в моей научной жизни в Германии. Кроме того, я немножко преподавал там: меня пригласили прочесть спецкурс по древнерусскому историческому повествованию в Мюнхенском университете. И, кроме того, мне удалось, опять-таки благодаря Гумбольдтовскому фонду, поехать по Европе — в частности, у меня была двухнедельная командировка в Париж, где я работал с важными для меня рукописями в Парижской национальной библиотеке. Это было очень важно. Я бы и сейчас начинающим исследователям очень рекомендую поработать за границей — это очень расширяет кругозор. А кругозор в науке, поверьте, значит не меньше, чем знания в области, которой занимаешься.

— Скажите, а научная атмосфера в Мюнхенском университете чем отличалась в то время от нашей научной среды?

— Вы знаете, я бы сказал, что, познакомившись довольно хорошо с научной средой Германии (я бывал в разных университетах), я оценил в большей степени нашу научную среду. Если взять, в частности, уни-

верситетское преподавание, важной чертой нашего учебного процесса были — и в некоторой степени остаются — общие курсы. В этом отношении меня несколько удивило обилие в Германии курсов по частным проблемам при меньшем внимании к общим. Конечно, приятно иметь дело с человеком, который знает по своей специальности все. Но представьте себе, что вы занимаетесь археологией и вас — я использую выражение одного моего коллеги — прикрепляют к специалисту по ручке амфоры. И вскоре вы будете знать все о ручке амфоры, но этого явно недостаточно, чтобы стать специалистом.

Немец по Лескову — это железо, а русский — тесто. Но, как он говорил, если начать рубить топором тесто, ничего не получится — лишь топор увязнет

— Понятно, что в 1990-е годы во всем мире был интерес к новой России. Но все-таки, что именно двигало немецкими студентами, которые решали в те годы изучать не просто русскую литературу, например, а именно историю Древней Руси?

— Еще раз напомню, что это было время больших ожиданий — не только с нашей, но и с западной стороны, и считалось, что Россия рванет с места в карьер и появится новое, очень перспективное поле деятельности. ... Был спрос на общее, фундаментальное изучение России, которая теперь стано-

вится частью, как тогда казалось, общеевропейского мира. Это очень чувствовалось, особенно в эпоху перестройки. Мне немцы рассказывали, что в Гамбурге, например, создавались офисы — специально для деловых отношений с Петербургом, поскольку это мощные северные морские города. Как известно, потом все эти надежды не оправдались. ... Но изучение древности было одним из флагов, частью большого интереса к России, чтобы выйти за рамки общей эрудиции, за рамки традиционного изучения «большой тройки» — Достоевский, Толстой, Чехов. ... Появились и в Германии люди, которые хотели понять, как возникла русская литература, и они начинали с большим разбегом, прямо с самого начала: шли от Древней Руси. Это правильная позиция, замечу в скобках: для того чтобы понять золотой век русской литературы, нужно знать древнерусскую. Но для каких-то немецких исследователей Древняя Русь стала самодостаточным делом. Они приходили к ней от западного Средневековья: чтобы его понять, также важно знать Древнюю Русь. Потому что Русь представляет собой второе крыло Средневековья. Есть западное христианство, есть восточное, и восточное в какой-то момент доминировало, когда Рим был во всех смыслах в упадке, а Константинополь процветал. Именно в такое время Русь была крещена византийцами, и цивилизационный выбор Руси тогда осуществился в пользу Константинополя, а не Рима.

— Ко времени вашей второй поездки вы уже говорили по-немецки?

— Да, к этому времени я уже неплохо владел немецким. В первую же поездку я только читал, поскольку учил немецкий лишь в рамках небольшого курса в Академии наук. Когда ты оказываешься в чужой языковой среде, ты становишься как бы на размер меньше. Более того, ты кажешься смешным

на первых этапах изучения языка — это опыт невольного юродства. Знаете, в мировой литературе есть общий комический тип — плохо говорящий иностранец. Например, в русской литературе он очень распространен — вспомним хотя бы мсье Трике в «Евгении Онегине». Конечно, это непростой опыт. Но он тоже важен. Например, учит ценить не только слова, но и молчание. Для того, кто приехал в другую страну, естественно на первых порах большую часть времени молчать. Но в этот момент ты понимаешь, что молчание — тоже важная составляющая речи. Например, когда мы печатаем текст, пробелы между словами играют, как мы знаем, чрезвычайно важную роль — просто мы этого не замечаем. Молчание — это пробел в устной речи, но оно не означает, что речь останавливается: на самом деле она продолжается, просто другими средствами. Поэтому после немецкого опыта жизни я стал считать молчание важной составляющей речи.

— Одна из моих собеседниц, переводчица с немецкого Татьяна Баскакова, говорила о зеркальной схожести между русским и немецким мировоззрением — сказывается, например, то, что и у нас, и у них имперское прошлое... Как бы вы это прокомментировали?

— Вы знаете, забавным образом я это ощущаю на совершенно личном уровне: у меня жена — русская немка. И это «зеркальное сходство» всю жизнь меня очень радует и греет, потому что, допустим, я — человек, по крайней мере был в молодости, достаточно эмоциональный, а моя жена по-немецки сдержанна. Это единство противоположностей создало наш союз, за который я благодарен Богу, и считаю его главной удачей своей жизни. Что касается народов, то — удивительное дело — с Германией у нас то большая любовь, то большое противостояние,

но мы никогда не были равнодушны друг к другу. И, несмотря на ужас Второй мировой, все-таки преобладает теплое, хорошее отношение между нашими народами. Если даже смотреть с исследовательской позиции, то русская наука многим обязана немецким ученым. Я не говорю уже о русской политике и философии. ... Немцы во многом были для нас образцом, а мы для немцев были... вероятно, таким вот Эльдorado. Я говорю о периоде, когда сотни тысяч людей из разных немецких земель переселились в Россию в XVIII веке. Им казалось, что здесь, в отличие от маленькой Германии, есть где развернуться. Можно заниматься сельским хозяйством, строительством, чем-то еще. Так, в общем, и было — до октябрьского переворота. Даже несмотря на ухудшение общей атмосферы после начала Первой мировой, в целом отношения были хорошими, хотя и непростыми. Если мы обратимся к русской литературе, например, и вспомним знаме-

Для того чтобы понять свое, нужно иметь представление о чужом

нитый рассказ Лескова «Железная воля», где как раз тематизируются отношения между русскими и немцами, то увидим, как там отражена разница между двумя национальностями характерами. Немец по Лескову — это железо, а русский — тесто. Но, как он говорит, если начать топором рубить тесто, то ничего не получится — и топор там увязнет. У Лескова сознательно провокативно показана разница, хотя это была интересная попытка сравнения. Вообще, отношения между соседскими народами — это как в семье. Знаете, когда люди живут вместе и даже между ними большая любовь, время от времени происходят какие-то семейные скандалы, которые, надо сказать, отличаются особой жесткостью. Потому что близкие люди знают ваши слабые места и удары от близких наиболее болезненны. Но это как с медалью, у которой всегда две стороны. В целом я скажу, что немцы сделали очень много для русской культуры, для русской общественной мысли, и за это мы должны быть им благодарны.

— В вашем раннем романе «Похищение Европы» рассказ идет от лица молодого жителя объединенной Германии...

— Роман был написан в Германии в самом начале 2000-х. Главный герой символизирует Европу — прекрасную и любящую себя, противопоставленную «аскетической» России. Это противопоставление сейчас мне представляется несколько наивным. Да и сама вещь кажется сегодня слишком публицистичной: она отражает точку зрения, от которой я давно отошел. В частности, роман построен на столкновении каких-то общественных идеалов, популярных тогда позиций. ... Я давно уже предпочитаю не общественный, а персоналистический взгляд на мир и считаю, что бурная общественная активность не приводит ни к чему хорошему. ... Я глубоко убежден сейчас, глядя на развитие истории за последние 30 лет: единственная сфера, где ты можешь достичь чего-то действительно важного, — это сфера личного совершенствования. Я люблю высказывание Серафима Саровского: «Стяжи мир в себе — и тысячи вокруг тебя спасутся». Потому что когда начинают «пасти народы» — это обычно оборачивается последствиями, которых ты не предполагал.

— В вашем последнем романе «Брисбен» также много страниц посвящено Германии. Но особенно в этом смысле меня поразила ваша повесть «Близкие друзья». Трое мюнхенцев в детстве дают своеобразный обет, что будут похоронены на одном кладбище — Северном. Эта вещь на самом деле о том, что у нас много раз пытались изобразить в литературе, — ту самую склонность немцев к порядку. Но эти размышления нередко оказывались любовными, буквальными... А у вас получилось — может быть, даже неосознанно — описать именно немецкую любовь к порядку в смысле строгого следования данному обещанию, невзирая на ужасы и невзгоды.

— В одной немецкой газете я прочитал рассказ о том, как два друга были брошены историей в военную мясорубку: один из них был убит, а второй поместил его тело в цинковый гроб и возил по фронтам, пока этот гроб не удалось отправить вдове покойного. Это не столько любовь к порядку, сколько следование долгу. На деле же не все герои выполняют в повести свой долг. Так, у общей любви двух друзей Эрнестины по части долга возникают некоторые проблемы. Но главная мысль повести состоит в том, что ее герои прежде всего люди, а не немцы или русские, что главные ценности — любовь и преданность — свойственны любому народу. Понимание этого фундаментального сходства должно, как мне кажется, сближать народы. Это особенно важно сейчас, когда напряженность, кажется, висит в воздухе.